

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

Константин Леонтьев

Византизм и славянство

«Что такое византизм?»

Византизм есть прежде всего особое лицо, образцованность или культура, имеющее свои отличительные признаки, свои общенациональные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия...

Византизм в государстве значит — самодержавие.

В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей...

«Что такое славянство?»

Ответа нет!.. Славян, каковы во всецелости своей, есть еще объект, западан.

Константин Леонтьев. Византизм и славянство // АСТ, АСТ Москва,
Хранитель, Москва, 2007
ISBN: 5-17-040449-2, 5-9713-4001-8, 5-9762-1600-5
FB2: Denis, 2009-01-23, version 2
UUID: 6e2b5979-3a19-102c-b1cf-18f68bd48621
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Николаевич Леонтьев

Чем и как либерализм наш вреден?

Константин Николаевич Леонтьев начинал как писатель, публицист и литературный критик, однако наибольшую известность получил как самый яркий представитель позднеславянофильской философской школы – и оставивший после себя наследие, которое и сейчас представляет ценность как одна и интереснейших страниц «традиционно русской» консервативной философии.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0032

Константин Леонтьев
Чем и как либерализм наш
вреден?

В одном из последних номеров «Голоса» напечатана статья г-на Александра Градовского под заглавием «Смута».

Статья эта посвящена защите «либералов» против людей, обвиняющих их в потворстве «революционным злодеяниям».

Г. Градовский спрашивает: «Есть ли, однако, основание к такому обвинению? Исследован ли не только вопрос о „соучастии“ этого загадочного „либерала“ со злоумышленниками, но даже более простой вопрос: *что такое русский либерал?*»

«Посмотрим, в чем дело; разыщем этого загадочного либерала, вносящего такую беду в наше поистине бедное общество.

Происхождение наших «партий» относится ко времени преобразовательной деятельности ныне царствующего Государя. После того как были произведены реформы крестьянская, судебная и земская, как дарованы были льготы печати и университетам, общество наше распалось на два лагеря. Спорными пунктами между ними явились:

1) Вопрос о принципиальной годности реформ в применении к нашему быту.

2) Вопрос о дальнейшем развитии совершённых преобразований.

Люди, преданные делу реформы, получили кличку либералов; люди противоположного направления нарекли его охранительным. Насколько оба эти названия оправдывались существом дела, разбирать не будем.

По счастливому стечению обстоятельств русскому либерализму не представлялось никакой нужды быть началом оппозиционным. Напротив, при освобождении крестьян, равно как и при последующих реформах, так называемые «либералы» являлись вполне правительственной партией. Это все помнят и знают. Конечно, не они подставляли ногу новым учреждениям. Принципиальное неудовольствие совершившимися преобразованиями принадлежало совершенно иной «партии».

Прекрасно.

Автор приводит далее тот параграф законоположений, в котором говорится:

«Не вменяется в преступление и не подвергается наказанию обсуждение как отдель-

ных законов и целого законодательства, так и распубликованных правительственных распоряжений, если в напечатанной статье не заключается возбуждения к неповиновению законам, не оспаривается обязательная их сила и нет выражений, оскорбительных для установленных властей».

Действию этого правила, очевидно, подлежат и те законы, которые так дороги «либералам». Но едва ли согласно с пользою государства и общества приводить эти законы в связь с планами революционной партии и отождествлять сторонников этих законов с «служителями крамолы».

Так говорит г-н Градовский.

Это свидетельство закона здесь очень кстати. Руководясь им, мы оба останемся на так называемой *легальной* почве.

Начнем прежде всего с того уверения, что никто не позволит себе обвинять *всех* без исключения русских либералов в *сознательном и преднамеренном* потворстве заговорам и нигилизму.

Либерализм, как идея по преимуществу отрицательная, очень растяжима и широка. В

России либералов теперь такое множество и личные оттенки их до того мелки и многозначительны, что их и невозможно подвести под одну категорию, как можно, например, подвести под таковую *нигилистов* или *коммунаров*.

У последних все просто, все ясно, все исполнено особого рода преступной логики и свирепой последовательности. У либералов все смутно, все спутано, все бледно, всего понемногу. Система либерализма есть, в сущности, отсутствие всякой системы, она есть лишь отрицание *всех крайностей, боязнь всего последовательного и всего выразительного*.

Эта-то неопределенность, эта растяжимость либеральных понятий и была главной причиной их успеха в нашем поверхностном и впечатлительном обществе.

Множество людей либеральны только потому, что они жалостливы и добры; другие потому, что это выгодно, потому, что это в моде: *«Никто смеяться не будет!»* К тому же и думать много не надо для этого теперь. В 60-х и 70-х годах быть умеренным либералом ста-

ло так же легко и выгодно, как было выгодно и легко быть строжайшим охранителем в 30-х и 40-х годах.

В 30-х и 40-х годах только консерваторы пользовались уважением; только они делали карьеру и составляли себе состояние. Либералы в то время казались или слишком опасными, или смешными. *В то время, чтобы быть либералом, действительно нужно было мыслить* (правильно или нет – это другой вопрос), ибо среда не благоприятствовала либерализму. Тогда либерализм не был ни дешевым фрондерством земского деятеля против губернатора, ни жестокостью мирового судьи к старой помещице, выведенной из терпения слугами, ни фразами адвоката в защиту бунтующей молодежи, ни завистливой оппозицией «белого» священника монаху-епископу и т. д. *Тогда либерализм был чувством личным и живым; он был тогда великодушием, во многих случаях – отвагой.* Теперь же либералами у нас (по выражению Щедрина) *заборы подпирают...* Так их много и так мало нужно ума, познаний, таланта и энергии, чтобы стать в наше время либералом! Либерализм в

России есть система весьма легкая и незатейливая еще и потому, что охранение у всякой нации свое: у турка – турецкое, у англичанина – английское, у русского – русское; а либерализм у всех один (т. е. либерализм не британский *исключительный*, особый, а *общий* – демократический либерализм).

Все можно было без долгой исторической работы заимствовать, и все слишком легко принялось. *Хорошо ли нам так близко подходить к Европе и прививать себе поспешно и простодушно все ее худосочные начала?..* Что-нибудь одно – или космополитизм, т. е. падение отдельных государств и слияние их воедино, есть благая цель; или этот исход – есть зло и опасность?..

Тому, кто находит это благом, здесь прямо возражать на это я не буду; такое возражение вышло бы слишком длинно. Если же государственный космополитизм есть зло и опасность, то, значит, и общеевропейский либерализм, как упорно проводимая система, облегчающая хотя бы и в далеком (?) будущем подобное государственное слияние, есть также если не зло, то по крайней мере ошибка и

неосторожность.

Я говорю «зло», заметьте; я не говорю злонамеренность. В жизни и любовь, и великодушные, и даже ложно понятая справедливость – могут породить зло. Надо это понимать.

Я начал с того, что сказал: никто не позволит себе обвинять всех либералов в злонамеренности. Они, повторяю, очень различны. Приведу еще несколько примеров; один – либерал потому, что был либералом еще в 40-х годах, и ему больно расстаться с любимым идеалом, которому он так долго и так искренно служил; другой остается на всю жизнь либералом потому, что думает, будто бы честный человек непременно должен быть всю жизнь свою верен прежним убеждениям, даже и вопреки целому ряду разочарований. Этот род честного либерализма весьма вреден, потому что им особенно расположены страдать люди известные, влиятельные и на виду стоящие; раз связавши свое имя с известного рода громкой деятельностью, с известным родом службы обществу, с определенным литературным и политическим от-

тенком, им стыдно покаяться и сознаться, что они ошибались так долго. Не у всех найдется умственное мужество Кельсиева и Герцена, решившихся публично каяться, – первый в том, что находил социалистическую инсurreкцию полезной для России, а второй в том, что уважал в начале своей жизни современный «мещанский» прогресс.

Этот род либерализма, говорю я, искренний сначала, а впоследствии *только твердый*, но уже не искренний, есть самый вредный род, ибо он серьезен и влиятелен. Вот как даже и честность своего рода может родить нередко великое зло в этой «юдоли плача» земного!

Самые безвредные либералы в наше время – это либералы *из выгод*. Один, например, либерал оттого, что пишет для пропитания в газете, защищающей «свободу и равенство». Этот легко исправим; какая-нибудь ссора с редактором или хорошая построчная плата в разумной газете сделает его охранителем в одну неделю, лишь бы успеть примениться... Другой любит свободу потому, что, состоя на службе, не угодил начальству; третий – пото-

му, напротив, что угодил либеральному сановнику; четвертый – пламенный боец за всевозможные «права» человека потому, что он составил себе имя и состояние при новых, либеральных судах и т. д.

Этого рода люди не так вредны и опасны, как люди благородные и честные!.. Таких людей, неисправимых *морально, но политически* очень легко исправимых, посредством какой-нибудь *мзды*, – к счастью, у нас есть еще много. *Политика* – не *этика*... Что делать! Она имеет *свои законы*, независимые от *нравственных*.

Есть у нас также помещики, либеральные только *снизу вверх*; дела их расстроены эмансипацией и они, не сочувствуя *эгалитарным* реформам, либеральны только в *оппозиционном* смысле, с досады.

Женщины, которые и у нас очень влиятельны, либеральны большей частью по мягкости, по состраданию, по ложному пониманию христианства или, наконец, потому, что никакой *raison d'état*[1] для них непонятен... и т. д.

Какая же во всем этом систематическая

злонамеренность?.. Есть, конечно, если хотите, в нашем обществе легкий оттенок фрондерства; есть какая-то иногда невинная и пустая, иногда зловредная дурь мелкой оппозиции. Но упорного и сознательного потворства злодеяниям мы у большинства либералов во все не видим.

У «большинства», я говорю; но нельзя сказать, что вовсе нет *подобного потворства*.

Всякий может указать на факты такого рода, на факты всем известные, но как-то *кстати* нынче *вдруг забываемые*.

Теперь я скажу два слова о либерализме *учреждений*, а потом распространюсь побольше о либерализме *лиц*, действующих на почве этих учреждений, или под влиянием *льгот*, новыми учреждениями дарованных.

Я не стану много трактовать о *самих реформах*. Г-н Градовский говорит основательно, что новые учреждения – *закон, воля правительства*, и *потому* им надо подчиняться.

Это правда, и я не позволю себе здесь критиковать *реформы*. Но замечу только одно: раз допустивши, что «равенство и свобода» – гражданские идеалы, надо сочувствовать ре-

формам искренно и сознаться, что на *этой почве* (на почве равенства и свободы) реформы наши проведены хорошо. Но для меня еще вопрос: может ли долго, более *каких-нибудь ста лет* простоять какое бы то ни было общество при равенстве и свободе?.. Но об этом принципиальном сомнении после...[2] А теперь – о либерализме русских людей на почве новых учреждений и под влиянием современных льгот.

Вот тут-то и начинается нечто *подозрительное*, и если не всегда прямо злодейское, то или очень глупое и легкомысленное, или весьма коварное и нечистое.

Посмотрим, что делалось и делается до сих пор *либеральными* людьми на почве либеральных учреждений. Посмотрим, как *служили* эти «единомышленники» правительства... «*России и Государю*», – говорит г-н Градовский. Моему монархическому педантству такой порядок слов не нравится: я предполагаю говорить – *Государю* и России; ибо я не понимаю французов, которые умеют любить всякую Францию и *всякой* Франции служить... Я желаю, чтобы отчизна моя достойна была мо-

его уважения, и Россию всякую (например, такую, в которой Градовский и Стасюлевич ограничивали бы власть министров) я могу разве по *принуждению* выносить... Г-н Градовский судит, видимо, иначе.

Итак, посмотрим, как люди русские либерального духа *служили Государю* и России на основании этих реформ.

Г-н Градовский упомянул о земстве, о судах, об университетах, о печати, об эмансипации крестьян с землею.

Начнем хоть с земства. По нашему мнению, земская реформа лучше новых судов. В ней есть все-таки что-то «почвенное», солидное, а главное, то хорошо, что в устройстве земства есть что-то свое, чего нет в судах, эклектически списанных с западных образцов. Зато в судах европейское зло и сказалось гораздо грубее и резче, чем сказывается в земстве.

Однако и в земстве заметен нередко такой дух, который нельзя назвать правительственным или охранительно-либеральным, т. е. *не переходящим за черту дарованных льгот*.

Приведу несколько примеров. В одной гу-

бернии баллотируется некто в гласные – местный помещик, человек образованный как все, и никаких провинностей особых за ним не числится. *Почти все шары черные. От чего? За что это?..*

Он близок губернатору; он ему, кажется, друг; мы не желаем, чтобы администрация знала все, что мы делаем, и влияла бы тут...

Что такое администрация? Это не что иное, как само правительство en détail[3]. Что такое губернатор? Это не становой, это лицо по порядку власти третье после государя, так как в обыкновенное время (т. е. при отсутствии военных генерал-губернаторов) губернатор зависит только от министра, а министр есть ближайший выразитель Верховной Воли.

Положим, это еще не велика беда. И земство тоже правительственный орган особого рода. Можно позволить ему в некоторых случаях быть в маленьком виде тем, чем бывает в Англии оппозиция, т. е., с одной стороны, министерство Ее Величества, а с другой – оппозиция тоже Ее Величества. Я знаю, что на это мне могут возразить весьма основатель-

но еще следующее: «Оппозиция может быть охранительного и даже глубоко реакционно-го характера»... Да, теоретически это верно; *но на практике, в России, мы этого почти вовсе не видим...*

Для пояснения нашей мысли вообразим себе следующий состав земского уездного собрания: богатые помещики – покойный Иван Васильевич Киреевский и недавно скончавшийся престарелый граф Игнатьев (1-й), у которого в Петербурге была *домовая церковь*; один очень умный молодой человек самого *новейшего*, последнего стиля, которому уже в Московском университете опротивели *более чем либеральные* товарищи (они ведь так неинтересны!); он любит Шопенгауэра и Гартмана, поэтому *пессимист* для всего человечества и в благоденствие не верит; потом три купца – староверы; несколько бедных помещиков, в душе озлобленных либералов, но желающих быть членами управы, потому что им нужны деньги. В угоду первым трем лицам они прикидываются охранителями; потом крестьяне, представители общин, и между ними несколько начетчиков; два предста-

вителя монастырей, несколько отставных военных, желающих покоя и уважающих дисциплину и т. д. Весь состав в этом роде...

Разумеется, что такое земство не злоупотребляло бы *правами* и часто делало бы оппозицию в правую сторону, а никак *не в левую*... Но так ли обыкновенно бывает у нас? Похожи ли состав нашего земства на подобную картину? И что случается обыкновенно, когда администрация и земство в чем-нибудь несогласны?..

Когда эти два органа – администрация и земство (положим, оба правительственные по *источнику*) – вступают в свою глухую борьбу, то обнаруживается вот что: правительство, *выделив* из себя, так сказать, земство и даровав ему известные льготы, находит в данную минуту, что этих льгот довольно и бóльших оно не находит полезным дать... Поэтому администрации поручается наблюдать за тем, чтобы в земской деятельности либерализм *духа* не переходил за *черту* либерального закона. Земство, по чувству естественному и присущему всякому человеческому учреждению, постоянно стремится перейти эту

черту не по форме, а именно по духу, т. е. *ослабить местное действие той самой власти, которая даровала ему права...* И так как в России большинство до сих пор еще наивно верит, что все наши бедствия происходят от отсталости, а не от прогресса, от недостатка европеизма и современности, а не от излишней подражательности, то все эти стремления перейти черту льгот, вся эта *мелкая оппозиция* принимает большей частью не реакционный и консервативный характер, а эгалитарно-либеральный, усиливающий сперва общее расслабление, а потом и разнузданность.

Из оппозиции Его Величества этот мелкий, но постоянный отпор легко, сам того не замечая, перерождается в оппозицию Его Величеству.

Все это очень сложно, конечно, но надо постараться, насколько есть сил, разобрать эту сложность. Дворянство наше, например, что оно: «консервативно» или нет? Вот важный вопрос, ибо хотя дворянство как *сословие* уже почти не существует *de facto*[4] с 1861 года, но оно в провинции продолжает играть первенствующую роль: во-первых, как «интеллигент-

ция», а во-вторых, как крупный землевладельческий класс. Что такое это нынешнее дворянство?

Дворяне – это прежде всего *русские европейцы*, выросшие на общеевропейских понятиях XIX века, т. е. на понятиях смутных, на основах расшатанных, на чтении таких книг и газет, в которых все критикуется и многое отвергается, а непреложными аксиомами считаются только принципы либерально-эгалитарного прогресса, т. е. *les droits de l'homme...*[5] Эти русские европейцы в большинстве случаев очень *лояльны*; они готовы идти за Государя на войну или посылать на смерть за родину сыновей своих; они готовы жертвовать и деньги... В среде дворянской несравненно больше, чем во всяком другом классе, найдем мы людей благородных, великодушных и честных. Но *личная мораль* (я уже говорил это) и даже *личная доблесть*, сами по себе взятые, не имеют в себе еще ничего организующего и государственного. Организует не личная добродетель, не субъективное чувство чести, а *идеи объективные, вне нас стоящие*, прежде всего *религия*. Религиоз-

но ли наше дворянство? Набожно ли оно или нет? Нет сомнения, крестьяне наши нравственно несравненно ниже дворян, они часто жестоки, до глупости недоверчивы, много пьют, недобросовестны в сделках, между ними очень много воров; но у них есть определенные *объективные идеи*; есть *страх греха* и любовь к самому *принципу власти*. Начальство смелое, твердое, блестящее и даже крутое *им нравится*... Архипереев, генералов, командиров военных мужик наш не только уважает, *они нравятся* его византийским чувствам... *Кресты* царские он любит и смотрит на них с уважением почти мистическим. Таково ли нынешнее дворянство?.. Будем искренни... Многим дворянам Гамбетта или Брайт нравятся больше, чем Муравьев (Виленский) или Паскевич...

Понятно, что из этого выходит? Возьмем один пример еще из одной губернии... Возникает вопрос о том, допускать ли представителей белого духовенства на выборы в гласные или нет. В Петербурге решают: «Допускать, ибо они могут иметь нравственное влияние». Дворянство отвечает сдержанной улыбкой на

это замечание о нравственном влиянии духовенства. Священники баллотируются в гласные. *Все не избраны.* Что ж это такое? Легальность соблюдена, свобода выбора... Хорошо! Свобода выбора, но зачем же этот дух свободы и прогресса? На подобный вопрос мне отвечают: земство – дело прежде всего хозяйственное, экономическое; на что священники?

Мне кажется, что крестьяне и старые купцы взглянули бы на участие священников серьезнее.

Пусть будет так; пока это еще вовсе не *злонамеренность*, не крамола, это просто тот же самый дух времени. Это, скорее, европейское легкомыслие, современная потребность переходить за черту хотя бы обходом и непременно *не направо, а налево*. Это все еще довольно безобидная и с виду вполне законная *оппозиция*, и больше ничего.

Но вот... близится важный, почти страшный вопрос о *школах*... Земству дано право открывать школы, содержать их и руководить ими, при соблюдении определенных формальностей. Школы эти поставлены под надзор особых директоров и инспекторов, от зем-

ства не зависящих; кроме того, существуют высшие училищные советы, в которых заседают разные члены-наблюдатели, директор гимназии, например, губернский предводитель и т. д. И что же? Несмотря на весь этот надзор, на все легальные препоны, положенные, по-видимому, как *неосторожностям наивного прогресса*, так и *злонамеренности...* в школы проникало до самого последнего времени столько нежелательного... что понадобилось удвоенное к ним внимание; являются даже таблицы зоологические, во вкусе *Дарвина*, опережающие, заметим, и самую науку. Ибо на таких таблицах изображена с *торжественным* и *выразительным безмолвием* лестница прямого восхождения существ от инфузории до человека: тогда как в самой отрешенной от всяких нравственных *стеснений* заграничной науке идет еще вопрос о том: как понимать дарвинизм (или родство животных типов) – как родство *действительное*, физиологическое, или как родство *идеальное*, подобное родству кристаллических форм или архитектурных стилей?

Бывали, говорят, в педагогической дея-

тельности земств и такие примеры. Священников просят *не беспокоиться*, а приходить только на экзамены, и если успехи в *Законе Божьем* окажутся хорошими, то священникам земство дает *денежную награду*. Священники бедны, к тому же многие из них сами полулибералы, уже из-за того одного, что подчинены черному духовенству («этим *тунеядцам-монахам*, достигающим епископского сана»). Священники молчат, а к детям приближаются большей частью люди, по крайней мере, сомнительные.

Случались еще и вещи иного рода; я знаю, что в доме одного предводителя учитель народного училища публично проповедовал следующие вещи:

«Роскошь! Кто говорит против комфорта и роскоши? Вот здесь (в доме помещика) – хорошо, красиво. Но надо более ровное распространение всего этого. Посмотрите, как живут крестьяне, посмотрите и на церковь. В церкви роскошь: золото, серебро; все это накопление богатства можно обратить на другое, более полезное. Если крестьяне в силах поддерживать церковь, то они были и в силах *вме-*

сто этой церкви поддерживать и клуб, в котором они привыкали бы постепенно к опрятности, к удобствам жизни, читали бы газеты» и т. д.

Все слушают и никто не находит даже эти речи злонамеренными. Все это – приятная беседа и больше ничего. В этом данном случае мы слышим всю гамму либерального концерта, мы видим все оттенки либеральной окраски – от явного нигилизма (злонамеренности) в лице учителя до простодушного и невнимательного потворства со стороны земских деятелей, и даже до снисходительности полицейских властей. Как именно? А вот как: земские деятели слушают и молчат, может быть, не находя это серьезным, а может быть, и соглашаясь с учителем в том, что *рано* или *поздно это и должно быть так*; «нельзя только вдруг сдирать с народа старую кору суеверий». Это я и не называю явной злонамеренностью, а просто – прогрессивной пустотой, просветительным простодушием, европейской глупостью...

Но дело, положим, дошло до губернатора; учителя схватили; схватили, отправили ку-

да-то, подержали где-то и выпустили опять... И он опять в той же губернии. Немного погодя, вероятно, будет учить... Вы спросите, что же делать со всем этим?.. Не скажу – не знаю, а скажу – *подождем еще об этом говорить...*

А пока вот что «Голос» в другой статье («Невеселые наброски») говорит следующее:

«Единственное у общества средство обсудить положение и изыскать меры к противодействию злу – печать. Что же сказала она нам? Ничего, кроме фраз. Иностранные газеты несравненно обстоятельнее наших, русских разберут положение дела, укажут исход из него, предложат меры. А мы? Почему же мы не могли бы так же всесторонне, глубоко исследовать вопрос, нам столь близкий? Какая в этом опасность, если б при этом и были высказаны мысли неверные, предложены меры невозможные. Польза же была бы великая: и правительство, и общество знали бы все те элементы, среди которых оно живет и с которыми должно считаться; наконец, и печать стала бы серьезнее относиться к своим задачам и к важным вопросам, волнующим отчизну».

Послушайте! Да разве с людьми либеральными можно рассуждать *глубоко и всесторонне?*.. Вы покроете безмолвным презрением того, кто позволит себе выйти из круга общепринятых понятий... Прежние славянофилы пробовали это сделать... И что же вышло? Где следы их учения?.. Они стали влиятельны только тогда, когда, оставив в стороне свои заветные мечты о *славянском своеобразии*, стали заботиться лишь о самой *несвоеобразной* стороне дела, т. е. о *славянской свободе*. Пока дело шло о *своеобразии*, все смеялись над «шапкой-мурмолкой», *несмотря на то, что изменение внешних форм быта есть самый верный и могучий признак глубокого изменения в духе*. А когда вся Россия встрепенулась на зов их? Тогда, когда речь зашла об освобождении славян *от всего того именно, что мешало им до сих пор стать самыми обыкновенными европейскими мещанами!* До национального своеобразия и творчества, до национальной самобытности нам дела нет; мы просто утратили способность понимать, что это такое – *своеобразие творчества* и т. п. и каким это образом выходит, что даже раб-

ство и всякие стеснения, во многих случаях, развивают личность – и народную, и единичную больше (т. е. выразительнее), чем общеевропейская нынешняя свобода?.. Другими словами, как же это так выходит, что право и возможность жить самобытно есть не что иное, как право и возможность – *стать такими, как все?*..

В силах ли, например, г-н Градовский или дружественная ему редакция принять серьезно вот такую мысль:

«Эгалитарный индивидуализм погубил индивидуальность характеров?»

Не просто ли это набор слов и фраза? Должно быть, что так!..

Или разве с либералами можно рассуждать «глубоко и всесторонне» хоть бы о народном образовании?

Попробуй кто-нибудь с прямою и полной искренностью усомниться в самых основаниях школьного дела где бы ни было, а не в одной России? Осмелюсь напомнить Вл. И. Даля! Попробуй сказать, что еще неизвестно, нужно ли и полезно ли, в самом деле, много учить народ; хорошо ли навязывать ему *наши* обще-

европейские понятия, наши вкусы, наши идеалы, наши предрассудки и наши ужасающие ошибки?..

Чем ответят на это человеку прямому и не боящемуся самобытной мысли? Смехом или молчанием.

Или пусть попытается кто-нибудь выразить такую мысль: *«знание и незнание – суть равносильные средства развития»!*..

«Это еще что за вздор» – не правда ли?..

«Что за проповедь невежества!.. Что за новый прием обскурантизма!..»

Но довольно! В другой раз я постараюсь доказать, что на всех поприщах «либералы» переходили далеко *налево* за черту новых учреждений и служили Государю и России, если не всегда коварно, то во всяком случае чрезвычайно легкомысленно и не умно... Тут вот какая Сцилла и Харибда для друзей «свободы»... Кто из них был коварен, тот был умен, ибо достигал своей цели – *расстройства* общего... А кто был прям и честен в своих увлечениях, тот или ошибался горько, или просто ничего государственного не понимал.

Государство держится не *одной свободой* и

не одними стеснениями и строгостью, а неуловимой пока еще для социальной науки гармонией между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой – той реальной свободой лица, которая возможна даже и в Китае при существовании пытки... «Не делай того, что запрещено, если боишься пытки... А если не боишься – как знаешь». Этот выбор возможен был во все времена, и люди действительно выбирали... Если можно жить и действовать при подобных условиях, то как же было бы не жить и не действовать спокойно при учреждениях новых и столь мягких?.. Однако мы видим, что нигде люди на этих мягких учреждениях остановиться не могут, и все цивилизованное человечество теперь несметной толпой стремится в какую-то темную бездну будущего... бездну незримую еще, но близость которой уже на всех мало-помалу начинает наводить отчаяние и ужас!..

В первой статье моей я старался объяснить, какими путями и в каких случаях свободолюбие и фрондерство наше находят возможность вредить государству даже и в земской среде, сравнительно столь солидной и близкой к национальной «почве» нашей! Я сказал, что они вредят тем, что по духу переходят беспрестанно за черту легальных форм далеко *налево*, т. е. не в организующую, а в эмансипационную сторону.

Перейдем к другому новому учреждению, к открытым и гласным судам.

Я сказал еще в этой первой статье, что, несмотря на разрешение цензурным уставом критики самих реформ и новых учреждений, я здесь заниматься этой стороной вопроса не буду...

Я уже упомянул раз, что если принять только *современные* европейские принципы за непреложные истины социологии, то разумеется – все наши реформы проведены прекрасно; то есть если цель демократизировать и эмансипировать общество русское – есть

цель безусловно полезная, то эта цель достигнута новыми учреждениями вполне.

Но я не могу никак заставить себя смотреть на дело так односторонне и пристрастно.

Я позволю себе по крайней мере *подозревать* такого рода социологическую истину: что тот слишком *подвижный* строй, который придал всему человечеству эгалитарный и эмансипационный прогресс XIX века, очень непрочен и, несмотря на все временные и благотворные усилия консервативной реакции, должен привести или ко всеобщей катастрофе, или к более медленному, но *глубокому перерождению* человеческих обществ на совершенно новых и *вовсе уж не либеральных*, а, *напротив того*, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, вероятно, – в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин – государству. Будет новый феодализм – феодализм общин, в разнообразные и неравноправные отношения между собой и ко власти общегосударственной поставленных.

Я говорю из вежливости, что я *подозреваю*

это; в самом же деле я в этом *уверен*, я готов пророчествовать это. Впрочем – все это *вовсе* и не ново, а только забыто. Об этом много думали и писали еще в 40-х годах. Быть *просто консерватором* в наше время было бы трудом напрасным. Можно любить прошлое, но нельзя *верить* в его даже приблизительное возрождение.

Примеров полного возобновления прожитого история не представляет, и обыкновенно последующий период – есть антитеза предыдущего, в главных чертах; побочные же черты сохраняют связь с прошедшим или даже возвращаются к очень дальним векам. В *прогресс* верить надо, но не как в *улучшение* непременно, а только как в новое перерождение тягостей жизни, в новые виды страданий и стеснений человеческих. *Правильная вера в прогресс* должна быть *пессимистическая*, а не *благодушная*, всё ожидающая какой-то *весны* ... В этом смысле я считаю себя, например, гораздо больше *настоящим* прогрессистом, чем наших либералов. И вот почему. Они видят только завтрашний день, т. е. какую-нибудь конституционную, мелочь и т. п. Они заботят-

ся только о том, как бы сделать еще несколько шагов на пути того равенства и той свободы, которые должны ускорить разложение европейских обществ и довести их, шаг за шагом, до такой *точки насыщения*, за которой эмансипировать будет уже некого и нечего и начнется опять постепенное подвинчивание и сколачивание в формах еще невиданных воочию, но которые до того понятны, по одному контрасту со всем нынешним, что их даже и прозреть в общих чертах не трудно.

Каковы бы ни были эти невиданные еще формы в подробностях, но верно одно: *либеральны они не будут*. Я берусь даже определить с приблизительной точностью эту уже близкую точку поворота. Она должна совпасть со следующими двумя событиями: *социалистическим бунтом в Париже*, более удачным, чем прежние, и *взятием славянами Царьграда, volens-nolens*[6]. Значение Парижа и Европы будет с этой минуты умягаться; значение Босфора и вообще *чего-то другого* — расти. Очень может быть, что это *другое* примет вовсе не тот вид, в котором оно представлялось *московскому* воображению Хомяко-

вых и Аксаковых, и не тот, в котором оно и нам представляется; но уж, во всяком случае, эта новая культура будет очень тяжела для многих, и замесят ее люди столь близкого уже ХХ века никак не на сахаре и розовой воде равномерной свободы и гуманности, а на чем-то ином, даже страшном для непривычных...

Итак, для того, кто верит в близость подобного будущего, какое значение могут иметь наши новые суды? Очень малое и очень большое – в одно и то же время. *Очень малое* в том смысле, что это только один из призраков не только русского, но и всеобщего современного миража (миража *благоденствия земного, производимого равноправностью*); *очень большое* значение в том отношении, что у нас в России гласные суды стали, благодаря духу интеллигенции нашей, одним из орудий медленного и по приемам легального разрушения всего старого. Заметим, что либерализм правительства и либерализм общества нашего в этом случае совершенно противоположны. Великая разница: либеральный господин, освобождающий своего раба, и либеральный

вольноотпущенный, начинающий из благодарности тотчас же фрондировать. Барин великодушен, и если не прав, то лишь тем, что *слишком поверил в человечество*; барин в своем либерализме, сверху вниз, все-таки рыцарь, возбуждающий глубокое почтение и самое пламенное участие, а вольноотпущенный, зазнавшийся на воле, – что такое!? Вот разница между правительством нашим и так называемым обществом...

Итак, эти независимые суды наши – несравненно больше, чем земство, способствовали тому «таянию» России, которое теперь всех ужаснуло и которое одним репрессивным *подмораживанием* без некоторых ретроградных реформ вполне и приостановить нельзя.

Земство глухо, суды эффектны и громогласны. Деятельность земства опаснее скорее в будущем, чем в настоящем; оно опасно только посредством умножения школ, в которых искажается будущий мужик и мещанин, по жалкому образу и подобию нашему. Но суды действуют быстро и наглядно. Деятельность новых судов была в течение 15 лет блестящей

и самой ловкой демократической пропагандой, какую только можно себе вообразить! В своем роде это было совершенством! Никаких *точек над буквой i*; ни одной слишком грубой *иллегальности!*..

Перед этими важными председателями, настойчивыми обвинителями, пламенными защитниками и легкомысленной, жадной до эффектов, *граждански уже давно развращенной* публикой, какой ряд высокопоставленных юридических жертв! Игуменьи, баронессы, генералы, городские головы, отцы и матери семейств, Гартунг, Трепов, Шумахер, Митрофания.

Какое нескрываемое злорадство, какая веселая разнузданность речей... И как это все выходило ловко и кстати! Прокуроры *кстати* слабы, *кстати* беспощадны...

Перед нами, например, две женщины – игуменья Митрофания (вдобавок и баронесса) и акушерка Засулич. Митрофания виновата, а Вера Засулич права. Пожилую заслуженную женщину, увлекшуюся деятельным характером и желанием обогатить любимое ею религиозное учреждение, никто не жалеет; Веру

Засулич, решающуюся на политическое убийство из-за коммунистических сочувствий, жалуют все и делают ей безумную овацию!

Но вообразим себе иное настроение русской интеллигенции, к которой принадлежали бы и судьи, и адвокаты, и обвинители, и публика, и часть присяжных.

Вообразим себе, что настроение общества было бы *консервативное*, представим себе, что великодушные правительства, давшего такие свободные суды, обращено было бы на людей солидных, умно скептических, т. е. в *Европу* и в *благо* демократии не очень влюбленных, и даже из знания европейской истории извлекающих совсем не то, что обыкновенно у нас извлекается... Вообразим себе, что было бы тогда?.. Прежде всего нашлись бы люди, которые поспешили бы, по собственной инициативе, убедить высшее духовное начальство Московской епархии – наказать поскорее игуменью духовным строгим судом и избежать всячески публичного скандала...

Светский суд *медлил бы нарочно*, для избежания огласки. Публика *боялась бы*, чтобы игуменья не попала на скамью подсудимых.

Но, положим, приостановить дело, *замять* его с некоторой *формальной несправедливостью* и с большим *государственным тактом* – оказалось бы невозможным. Игуменью судят гласным судом... Но как?..

Все смущены (хотя бы и притворно – и то хорошо; ибо притворство в этом случае доказывает только почтение к известному принципу)... Председатель ведет сессию, по возможности, в пределах закона, благоприятно для подсудимой; он не *позволяет* адвокатам и прокурорам *говорить против монастырей вообще*. Судьи не обращаются к набожной старушке, сказавшей «матушка так мне приказала» (или «благословила»), с насмешливым вопросом: «А разве у вас *своего разума нет?*»... Никто не позволяет себе таких публичных возгласов: «Монастыри отделяют себя от мира высокими стенами, но обществу надо себя ограждать от них (т. е. от их злоупотреблений)...» Так, кажется, воскликнул кто-то из обвинителей.

Личное самолюбие ораторов, обвиняющих игуменью или защищающих ее противников, оставляется немного (хоть немного) в стороне

до другого случая – из гражданского, охранительного чувства; защита удачна, обвинение мягко и уклончиво. Преступление признано недоказанным... *Публика ликует.* Вот что случилось бы, если бы дух общества русского не любил бы переходить *налево* за черту новых учреждений, если бы большинство, начиная от руководящих судей и кончая праздными зрителями, любило бы, чтило бы православие, *верило бы* в святость *сана*, независимо от *личных немощей!*

И если бы в таком обществе и осудили бы Митрофанию, *по невозможности* оправдать ее, то это бы сделали так, как сделали Иафет и Сим, т. е. отвернувшись, покрыли бы наготу отца, а наша интеллигенция поступила при этом процессе, как цинически глумящийся, гнусный Хам.

«Так ее и надо! Так! Вот так! Она баронесса! Она игуменья! Так ее! Так!»

Игуменью Митрофанию за подлог юридически «травят». Вере Засулич, посягавшей на энергического градоначальника, устраивают апофеоз.

За что же стреляла она в градоначальни-

ка? Влюблена она была, что ли, в того политического арестанта, которого генерал Трепов высек за дерзость в тюрьме? Не была ли она с ним в любовной связи? Ничуть! Тогда бы к ней, вероятно, были бы построже. Но она не имела никаких личных отношений с этим арестантом и хотела убить градоначальника во имя «равенства и свободы». *Ее оправдали, ей сделали блистательную овацию.* В петербургских газетах писали, что выстрел ее из револьвера будет иметь значение как поворотная точка, после которого политических арестантов или совсем не будет, или они будут иметь право грубить безнаказанно начальству. Речь защитника Александрова, даже в ораторском и литературном смысле все не замечательная, размазанная, аляповатая, лубочная, нравится петербургской публике и увлекает ее... Судят вовсе не убийцу, не Веру Засулич, а жертву ее, т. е. судят генерала Трепова... Веру Засулич выносят на руках и т. д.

Один из гг. Градовских напечатал тогда в «Голосе» восторженный фельетон, и все это из такого пустяка, что генерал Трепов высек

какого-то дерзкого арестанта...

Тут уж, во всем этом, нельзя никак видеть либерализма *наивного*, а надо видеть именно тот *злонамеренный либерализм*, против которого г-н Александр Градовский протестовал так умильно и даже робко в статье «Смута».

Любопытно было бы вообразить тех же самых двух женщин: игуменью Митрофанию и акушерку Засулич перед судьями *не-европейского духа*, перед судом мужиков или старинных купцов Островского. Такие судьи, имеющие не либерально-европейский, а свой собственный русско-византийский общественный идеал, отнеслись бы к делу совсем иначе. Игуменью Митрофанию они бы *поняли* и, осуждая ее, быть может, старались бы смягчить ее наказание; и ни в каком случае они бы не срамили ее сана с низким злорадством неверующих людей... Веру Засулич они бы просто и понять бы не могли, и наверно – или сослали на каторгу, или бы *жестоко наказали ее телесно*... Из двух зол мужики и купцы Островского скорее бы поняли подлог, чем эту *ненависть к властям предержащим*, которую обнаружили в деле Засулич и действующие

лица, и публика, и печать петербургская... Почему же общественное мнение *самого нерусского* из всех городов России должно быть непременно правильнее мнения стольких миллионов истинно русских людей, *оттертых* от непосредственного соприкосновения с правительством своим?..

И если мы, сопоставив эти два знаменитые процесса двух столь противоположных женщин, сблизим еще, с другой стороны, процесс Веры Засулич с делом Гартмана и с объяснениями, представленными республиканцем Энгельгардтом, то окажется вот что:

В наше время все роды преступлений наказываются строго, кроме антигосударственных преступлений... Веру Засулич оправдали в Петербурге потому, что она стреляла (по выражению одного московского простолюдина) «в заслуженного *царского* слугу как в какого-нибудь пса!»; Гартмана не выдали именно оттого, что он хотел убить *не частное лицо, а государя*.

Итак, *жизнь* обеспечена всем гражданам, *исключая царей и ближайших помощников их*. Только монархи и верные слуги их поставле-

ны вне закона, по понятиям новейшего права, которое так нравится либеральным деятелям петербургской печати.

Как же может г-н Градовский притворяться таким невинным и обиженным *доносчиками-консерваторами*, когда он сам пишет в той газете, где то защищается Вера Засулич, то оправдывается республиканское правительство Франции?.. Неужели это тот *наивный* либерализм, о котором я говорил в моей первой статье «Чем и как либерализм наш вреден»?..

Литератору петербургскому и специалисту, так сказать, быть *наивным* в подобных случаях стыдно. Простодушие было бы здесь доказательством уж слишком жалкой бездарности...

Возвращаюсь к судам... Признаюсь, мне тяжело и говорить о них много, потому что меня самого до такой степени глубоко поражали, в течение последних 10 лет, все эти слишком известные процессы, что мне всё представляется, будто и все их помнят и будто все должны возмущаться ими...

Положим, *errare humanum est*[7]. Есть

также русская поговорка, которая гласит: *где суд – там и неправда...* Поговорка не говорит этим, будто *всякий* суд непременно несправедлив, но так как во всех человеческих учреждениях есть *наклонность* к неправде, то *некоторая часть* судебных решений должна быть *по духу* несправедлива... Ведь наш народ (и всякий народ, не сбитый еще с толку демократическими идеями) в царство *правды на земле* не верит...

Все в том же «вашем» «Голосе» (№ 60 от 29 февраля) был приведен с похвалами отрывок из речи Высокопреосвященного Макария, произнесенной им при открытии военно-окружного суда в Вильне 15 октября 1869 года.

«Законы и совесть – вот ваши руководители!» – так обращается проповедник к «людям-судиям».

«Законы... Но что пособят нам самые лучшие законы, когда мы не знаем достаточно того, к чему следует приложить их? Законы, как бы ни были подробны, не в состоянии обнять всех частных и необычайных случаев, какие бывают в жизни и с которыми не

раз, быть может, вам придется встретиться. Законы самые точные и ясные могут подлежать различному пониманию, подвергаться различному применению, особенно в случаях сомнительных и неопределенных, и бессильны предохранить судью от разных ошибок. Совесть – драгоценнейший из всех даров Божиих человеку, лучший и ближайший из всех наших руководителей. Но и совесть, даже самая чистая и твердая, всегда имеет нужду в опоре для своих приговоров и без достаточного выяснения дела может заблуждаться. А что ж еще, если совесть наша помрачена или ложно направлена воспитанием ли или образом нашей жизни? Что, если совесть наша до того слаба, что способна увлекаться *влиянием наших страстей или господствующим духом времени?* Увы! не спасет тогда судью и совесть от многих и многих ошибок».

Вот я о чем говорю, об этом *духе времени* – и только. Никто не позволит себе утверждать, что бóльшая часть решений новых уголовных судов были неправильны или несправедливы... Это даже и подумать было бы смешно; даже не имея в руках никакой статистики

этих решений, можно сказать а priori, что они были недурные и даже очень хорошие!.. Ссылали даже и нигилистов... Весь вопрос в том, куда чаще располагает дух времени склонять весы правосудия – левее или правее?.. Я нахожу, что левее... И из двух зол это зло вреднее, потому что оно гораздо противогосударственнее... Государство устроилось на известных понятиях и формах дисциплины, и потому-то, если уж необходимо, если уж по человеческой слабости неизбежно от времени до времени кого-нибудь обидеть, то лучше обидеть Веру Засулич, чем игуменью Митрофанию или генерала Трепова...

Я говорю это прямо – ибо я не верю, чтобы жизнь могла бы когда бы то ни было стать храмом полного мира и абсолютной правды... Такая надежда, такая вера в человечество противоречат евангельскому учению; Евангелие и Апостолы говорят, что чем дальше, тем будет хуже, и советуют только хранить свою личную веру и личную добродетель до конца... Все человечество мы от бед не избавим; беды разнородные и неожиданные таятся даже и во всех успехах науки, точно так же, как и в

невежестве, во всех открытиях, во всех изобретениях, во всех родах учреждений и реформ... И потому с этим ужасным Ариманом не справиться ни нам, ни Санкт-Петербургским и Парижским Ормуздам в очках и гадких фраках... А своему русскому государству, как столбу настоящего недемократического христианства, мы должны стараться сделать пользу, как умеем.

Вот в этом-то православном, русском или, если хотите, византийском духе воспитанное общество дало бы иной результат, даже и при введении англо-саксонских судов. В эту либеральную форму оно внесло бы иное содержание, иной дух...

Никто, повторяю я, не позволит себе утверждать, что все решения политических и вообще уголовных процессов нашими новыми судами были нехороши, а тем более преднамеренно вредны.

Я говорю только о *наклонности*, о сильном *течении*, о «чумном» *веянии* все того же духа времени.

Для лучшего уяснения того, что я хочу сказать, возьмем еще пример из прошлого. Кре-

постное право было в свое время великим и спасительным для России учреждением. Только с утверждением этого особого рода феодализма, вызванного необходимостью стянуть, расслоить и этим дисциплинировать слишком широкую и слишком *однообразную* Россию, государство наше начало расти. Но и это столь полезное учреждение имело, как известно, свои невыгоды. Помещики злоупотребляли данной им властью. Это известно. Но кто же станет утверждать, что они злоупотребляли этой властью все одинаково? Это было бы ошибкой или ложью. У многих крестьяне жили лучше нынешнего. Но многие помещики все-таки производили насилия ни с чем не сообразные, совершали безнаказанно преступления и т. д. Это правда. *Течение* духа времени было в эту сторону, и некоторые *люди* из учреждения разумного и необходимого извлекали не то, чего бы желало правительство.

Вот так и новые суды.

Строгое понимание государственного дела настраивало бы мысль следующим образом: правительство, устанавливая новую форму су-

дов, более свободную, доверялось, так сказать, обществу. Учреждая эти более свободные суды, правительство передвигало значительно центр тяжести государственной налево; мы поэтому, для сохранения равновесия, если уж неизбежно *склонять весы* и т. д., будем *склонять их на противоположную правую сторону*, т. е., скажу прямо, в пользу старших, генералов, игуменов, помещиков, отцов, матерей, хозяев, а не в сторону младших и младших, будто бы слабейших. Эти слабейшие легко могут стать *слишком* сильными; не надо отучать ни народ, ни молодежь, ни детей от повиновения: это противно тому духу православия, на котором взросло наше монархическое государство...

Но на деле выходит у нас иначе. Без всякого поголовного *злоумышления*, без всякой *коварной дальновидности*, а только вследствие ложного идеала *земной прудоновской «justice»*[8], новые суды усилили (быть может, и бессознательно) либеральное наше расстройство. Публика наша легкомысленна, пуста, впечатлительна и дурно воспитана, а нашим адвокатам и прокурорам нужно сделать

карьеру, обнаружить ораторские способности (между прочим, ввиду воображаемой возможности громить *ответственных министров*, ибо никому так конституция не выгодна, как ораторам); судьи подвергаются давлению «среды»; присяжные или сбиты с толку многосложностью вопросов, если они из *простых*, или подкуплены либеральными симпатиями, если они из интеллигентных.

Зачем же тут непременно *злонамеренность*? И без всякой злонамеренности результат печален. Что ж делать с этим?

Я бы и сказал – но на уста мои «положена дверь ограждения».

Что может позволить себе сказать человек, запертый в тесную рамку «местной» газеты? Кто станет его слушать?.. А впрочем – два слова не долго.

Разумеется – надо, в относительном *безмолвии*, обдумать медленно и строго проектных судов, и может быть, без *присяжных*, без публики и с меньшим простором для риторических упражнений. Положим даже, что до сих пор человечество никакой формы судов *выше и развитее* этой англосаксонской формы

не выдумало. Но не всегда именно высшая форма той или другой отрасли человеческих учреждений пригоднее для всякой страны. Как *войско* – английское войско ниже континентальных форм военного устройства; но она, эта низшая форма – пригоднее для английского государственного строя. Протестантство как *религия*, в глазах всякого понимающего, что такое Церковь, есть религия низшая, сравнительно с православием и папством, однако она оказалась пригоднее до сих пор для германских стран. Так и во всем... Репрессивные меры не могут быть сами по себе целью; они – только временный прием для того, чтобы люди «не мешали» приготовить что-нибудь более прочное в будущем. По крайней мере, и попытка подобного рода была бы полезна.

Примечания

(Примеч. 1885 г.) Смотри т. 1, статью «Византизм и славянство», главы о «Прогрессе и развитии».

[^^^]

3

Букв.: в отдельности (*фр.*).

[^^^]

Фактически (*фр.*).

[^^^]

Права человека (*фр.*).

[^^^]

Волей-неволей (*фр.*).

[^^^]

7

Ошибаться – человеческое свойство (*лат.*).

[^^^]

Справедливость (*фр.*).

[^^^]